

**ОРЕНБУРГСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ СОБРАНИЕ
И ЖУРНАЛЫ ЕГО ПРИСУТСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ПУБЛИКАЦИЯ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ – ОДНО ИЗ ВАЖНЫХ
НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Марсиль Нуруллович Фархшатов

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфа

В условиях нового осмысления многих аспектов отечественной, в том числе национально-региональной, истории все большую значимость приобретает совершенствование информационного обеспечения научных исследований. Этим во многом объясняется наблюдаемое в последние десятилетия повышенное внимание к выявлению и публикации новых письменных памятников. В результате начиная с середины 1980-х годов российским и зарубежным исследователям стали доступны многие уникальные документы [см., например: Журналы заседаний... 2001–2004; Усманова, 2009; Фархшатов, 2009; Письма патриарха... 2009–2010; Аппарат ЦК КПСС... 2011; Журналы заседаний, приказы... 2011; и др.].

Однако публикация первоисточников идет медленно и с трудом. Прежде всего, это относится к документам имперской России делопроизводственного характера¹, особенно созданным в провинциальных административных учреждениях. Хотя, как известно, истории России характерна сильная государственная традиция в управлении, которая все более укрепляется осуществляемым в новое и новейшее время типом модернизации страны.

Ведущая роль государственных органов выпукло проявлялась и в Урало-Поволжье, где велась практическая работа по обеспечению жизненно важ-

¹ Исключение составляет, пожалуй, лишь продолжение солидных публикаций документов Совета министров Российской империи [см.: Особые журналы, 2000–2009].

ных вопросов местного населения, в том числе мусульманского. Поэтому чувствуется настоятельная необходимость изучения и научной публикации первичных документов отдельных местных государственных учреждений, деятельность которых оказывала существенное влияние на социально-политический климат всей страны в течение длительного отрезка времени. В их числе одним из первых следует назвать Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС, муфтият), учрежденное по указу императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 г. в г. Уфе (см.: ПСЗ I. Т. 22. № 16 710, 16711) и просуществовавшее до 1917 г.

ОМДС: его компетенции, архив и делопроизводство, сохранность журналов присутствий муфтията

Оренбургский муфтият был призван регулировать государственно-исламские отношения и социокультурные запросы последователей Ислама на огромной территории империи – всей Европейской части России (за исключением Крымского полуострова) и Сибири, а до 1870-х гг. даже Казахстана и Северного Кавказа [подробнее см.: Кульшарипов, 1988; Азаматов, 1999, с. 29–30]. К 1916 г. Оренбургское магометанское духовное собрание ведало делами почти 25 % всех мусульманских подданных страны. Его территориальная компетенция распространялась на 54 губернии, 5 областей, 6 градоначальств Центральной России, Поволжья, Привислянского края и Сибири, а также на Варшавское обер-полицмейстерство и остров Сахалин [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 545. Л. 137; Фархшатов, 2006, с. 292. См. также: Загидуллин, 2007, с. 6–7; Азаматов, 2007, с. 7]. В них тогда функционировали 6 081 мечетей с 13 328 духовными лицами.

Деятельность Оренбургского духовного собрания охватывала многие сферы общественной жизни мусульманских народов внутренней России. Это придает переданному в 1967 г. на хранение в Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ) в Уфе его делопроизводственному материалу (Ф. И-295) в количестве более 68 тыс. единиц хранения¹ совершенно уникальный характер при изучении истории институционализации ислама, этноконфессиональных отношений и организации государственного управления в мусульманских регионах дореволюционной России.

Повседневная многосторонняя работа муфтията нашла наиболее полное и последовательное отражение в многотомном комплексе журналов (краткие протоколы, обычно без отражения хода прений) его присутствий.

¹ О структуре и содержании фонда Оренбургского магометанского духовного собрания в ЦИА РБ подробнее см.: [Давыдова, Хазиев, 1973; Фархшатов, 1987].

В уфимском фонде Духовного собрания комплект его журналов насчитывает в общей сложности свыше 370 весьма объемных единиц хранения (за соответствующий год, полугодие, квартал, месяц или даже день), справочным аппаратом к которым служат описи № 2 и № 11. ЦИА РБ является единственным средоточием делопроизводственной документации Оренбургского муфтията. Наши надежды обнаружить значительные массивы его документов в других хранилищах не оправдались. Хотя в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Ф. 821: Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД; и др.), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Ф. 102: Департамент полиции МВД), Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО, Ф. 6: Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора), Национальном архиве Республики Татарстан, Ф. 1: Казанская губернская канцелярия), Научном архиве Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН, Ф. 7: Фонд Ризы Фахретдинова; Ф. 23: Фонд М.-С. Уметбаева), архиве Национального музея Республики Башкортостан (Фонд М.-С. Уметбаева) отложились отдельные интересные документы, связанные с Оренбургским духовным собранием и его деятельностью.

Журналы Духовного собрания написаны на русском языке на относительно хорошей для провинциального государственного органа бумаге. Преобладают рукописные документы с достаточно четким почерком, пишущая машинка стала применяться в делопроизводстве муфтията лишь в начале XX в. Но уже с первой половины XIX в. для записи отдельных журналов заседания Собрания стали применяться типографские бланки определенной формы. Часть рукописного текста, написанного чернилами, к сожалению, утасла настолько, что читается с трудом. Это еще более актуализирует вопрос о сохранении уникального документального наследия Оренбургского муфтията.

Археографическая обработка и подготовка к публикации наиболее информативной части сохранившихся в Уфимском архиве журналов заседаний Оренбургского магометанского духовного собрания, контролировавшего в течение более 125 лет как «высшая» по делам мусульман инстанция Российского государства религиозные, семейно-бытовые, наследственные и иные процессы на значительной территории нашей страны, является давно назревшей научной задачей. Введение в научный оборот этого важного пласта первоисточников, несомненно, позволит глубже понять закономерности и позитивный опыт урегулирования государственно-исламских отношений в императорской России и пути дальнейшей их оптимизации, уточнить многие факты из истории функционирования центральных и региональных государственных учреждений, прежде всего самого Оренбургского муфтията, а также мусульманских приходов, представить историю тюрко-мусульманских народов региона во всей полноте и разнообразии.

ОМДС как высший орган управления делами мусульман внутренней России

Научное значение журналов Оренбургского магометанского духовного собрания определяется прежде всего местом этого учреждения в системе государственного управления России конца XVIII – начала XX в. и ролью, которую оно играло в социальной и политической жизни всей страны.

Открытие 4 декабря 1789 г. в г. Уфе особого правительственного учреждения по делам мусульман в лице Оренбургского муфтията стало необходимым в первую очередь в силу дальнейшего продвижения Российской государственности на Восток, когда со всей силой обнаружилась необходимость налаживания диалога с количественно возрастающим мусульманским населением страны. Перманентные башкирские восстания XVII–XVIII вв., а также Крестьянская война 1773–1775 гг., в которой самое активное участие приняли башкиры и татары, показали, что установление конструктивных отношений с исламом и его институтами имеет решающее значение для судеб евразийской страны. Стабильность политического развития империи Романовых напрямую зависела от радикальной перестройки этно-конфессиональных составляющих внутренней политики правительства.

Прозорливая Екатерина II чутко уловила эти новые требования времени, издав сначала (в мае 1773 г.) указ о веротерпимости¹, а затем, через 15 лет, закон о создании Оренбургского магометанского духовного собрания в городе, расположенном в сердце Башкирского края и на стыке Европы и Азии. В результате ислам стал в России не только терпимой религией, но и началось его «огосударствление» со всеми его плюсами и минусами.

Согласно именному указу от 22 сентября 1788 г., а также «Правилам для наблюдения и исполнения Духовному магометанскому закону собранию» и проекта положения о его компетенции, составленных 4 и 5 декабря 1789 г. «правлящим должность» генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества генерал-поручиком бароном О.А. Игельстромом и последующими законодательными актами, на Духовное собрание были возложены: «высший» надзор за утверждением и деятельностью всех мулл и муэдзинов, регулирование вопросов их выбора и назначения лишь из числа «благонадежных», рассмотрение дел о строительстве мечетей, открытии и деятельности коранических школ (мектебов и медресе), организация и контроль за ведением духовными лицами записей актов гражданского состояния

¹ См. Указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающихся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» [ПСЗ-I. Т. 19. № 13996].

(по закону от 21 ноября 1828 г.), регулирование по шариату (мусульманскому праву) семейно-бытовых и наследственных споров среди башкир, татар, казахов и т. д. [см.: ПСЗ I. Т. 22. № 16 710, 16711; О управлении...1911, стб. 1334–1337; Умитбаев, 1892, с. 15–17; Материалы... 1960, с. 563–566]. Уместно заметить, что российские законы не совсем четко фиксировали пределы деятельности Оренбургского муфтията, что нередко приводило к конфликтным ситуациям [подробнее см.: Фархшатов, 2007, с. 233–234]. Причем власти перманентно стремились ограничить его компетенцию, в то время как мусульманские подданные, наоборот, ходатайствовали о расширении полномочий собрания.

Оренбургское магометанское духовное собрание, возникшее как «высшее» государственное учреждение по делам мусульман Российской империи, представляло собой региональное ответвление управленческого аппарата царского правительства и полностью подчинялось ему через Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Муфтият был чисто бюрократическим учреждением не только по составу и методам руководства, но и по ведению своего делопроизводства, что нашло прямое отражение в форме и содержании журналов его заседаний. Начиная с петровских реформ, ведение журналов всех государственных учреждений строго регламентировалось. Они должны были иметь соответствующие заголовки, дату заседания, имена присутствующих, состоять из установленных разделов, прежде всего: а) содержание вопроса в пересказе, б) принятое решение (резолюция) в подробном изложении, имеющее распорядительную силу, в) иметь при упоминании законов и распоряжений верховной власти точные ссылки на них и т. д. [подробнее см.: Источниковедение... 1973, с. 304–305]. Эти установки с точностью соблюдались и при ведении журналов Духовного собрания.

Журналы Собрания составлялись на основе предварительных протокольных записей (заседания муфтията не стенографировались), которые затем согласно особой инструкции обычно полностью уничтожались. Поэтому сохранившиеся в ЦГИА РБ подлинные официальные журналы не раскрывают мнения отдельных участников заседания и подробный ход дебатов по тому или иному вопросу, не отражают всю картину обсуждения проблемы. Но они являются единственными доступными нам документами, показывающими в концентрированной и достаточно полной мере повседневную работу муфтията.

Результаты деятельности ОМДС и их отражение в журналах его присутствия

В целом муфтият создавался как «среднее судебное место» и «высший» мусульманский контролирующий, распорядительный, судебный и апелляционный орган. Ему отводилась важная роль в унификации управления национальными окраинами и усилении там вертикали власти, пресечении воображаемых или реальных сепаратистских устремлений определенной части нерусского населения страны. Духовное собрание должно было стать также действенным инструментом для контроля над социальной жизнью тюрков-мусульман с целью более глубокой их интеграции в правовое поле Российской империи. С другой стороны, в лице Духовного собрания мусульманские подданные получили довольно широкую культурно-религиозную автономию в составе православного государства, что явилось важным фактором «умиротворения» беспокойного Башкирского края. А это, в свою очередь, дало царизму возможность для дальнейшего продвижения в Казахстан и Среднюю Азию.

Мобилизация интеллектуальных сил башкир и татар и активное привлечение их на «государеву службу», все более расширяющееся правительственное вмешательство в религиозную сферу мусульман привело к срастанию ислама и его институтов с государственным аппаратом. Позитивным результатом этого длительного, а порой и конфликтного процесса было повышение активности коммуникации между Центром и национальными регионами, определение границ применения среди башкир, татар, казахов различных юридических систем (светский = российский, мусульманский = шариат, традиционный = адат), а также расширение рамок духовной толерантности среди местного населения.

Одним из значимых моментов становления «русского» варианта ислама явилось создание в Урало-Поволжье, Сибири и др. регионах страны чуждой для мусульман-суннитов касты (однако не касты в понимании российского законодательства) «священнослужителей» (араб.: улама). «Указные» муллы и муэдзины все глубже отрывались от интересов своих прихожан, а с другой стороны, с большим трудом превращались в эффективных государственных, вернее муниципальных служащих.

В общем Оренбургский муфтият оправдал надежды, возложенные на него высшей властью. Именно его территория явилась для Петербурга полигоном, где выработывалась оптимальная политика в отношении мусульман Европейской России и Сибири, которая затем с учетом автохтонных традиций и обычаев в основных чертах стала практиковаться в Крыму, на Северном Кавказе и в Туркестане. По существу, в ходе многоуровневого, не-

редко конфликтного взаимодействия центральных властей через Духовное собрание с мусульманскими подданными русского царя в Урало-Поволжье впервые выработался российский вариант Ислама, ставший впоследствии известен как «евроислам». Адаптированное башкирскими и татарскими джадидами (религиозными реформаторами) к местным условиям «новое» исламское учение явилось той идейной силой, которая способствовала все более углубленной интеграции тюрко-мусульманских народов в государственно-социальную жизнь России. Тем самым оно, с одной стороны, укрепляло жизнеспособность великой евразийской империи, а с другой – продвигало тюрко-мусульманские общества на путь модернизации.

Правительству через Духовное собрание удалось:

- поставить под контроль выборы, испытание, утверждение, служебное поведение мулл и превратить их, по существу, в государственных служащих, причем неоплачиваемых из казны, а также сузить круг духовных лиц ахунами, имамами, хатибами и муэдзинами, возложив на них одновременно и обязанности прежде существовавших мухтасибов, факихов, мударрисов, хафизов и т. д.;

- урегулировать вопросы строительства мечетей и контролировать их деятельность;

- канонизировать более умеренную и толерантную ханафитскую богословско-юридическую школу (араб.: мазхаб) в округе Оренбургского муфтията, тем самым стабилизировать политическую обстановку на всем Российском Востоке и добиться «любви, тишины и согласия» между подданными обширной православной империи Романовых, к чему призывал еще указ Екатерины Великой «О терпимости всех вероисповеданий»;

- ограничить применение норм шариата в жизни мусульманских подданных (например, по существу было искоренено телесное наказание башкир и татар по распоряжению мулл; постепенно были пресечены также притязания некоторых духовных лиц ограничить контакты мусульман с христианами), распространив взамен российское законодательство вкупе с русским языком;

- предоставить мусульманским подданным внутренней России и Сибири религиозную автономию, пусть и ограниченную, в вопросах выбора духовных руководителей, строительства культовых сооружений и коранических школ при них, создания и управления имуществами, пожертвованными на благотворительные цели (араб: вакуф), что подготавливало в российском обществе распространение и укрепление лозунга законодательного введения в стране свободы совести;

- превратить муфтият, члены которого, как и в «русских» учреждениях, получали казенное содержание, правительственные награды и государ-

ственную пенсию, для высших и региональных государственных органов в передаточное звено в осведомлении состоянием дел у мусульманских подданных, а также исламским богословием и юриспруденцией.

Информационные ресурсы журналов ОМДС

Содержание журналов в целом отражает основные направления деятельности Духовного собрания и дает яркое представление о принципах, характере и особенностях государственно-исламских отношений в стране. Они также наглядно отражают многообразную религиозно-культурную деятельность тюркских народов Российского Востока. Внимательное прочтение делопроизводственной документации муфтията убеждает, что прошлые века истории Урало-Поволжья отнюдь не были исключительно эпохой «фанатичного» ислама или агрессивного православного миссионерства и духовных противостояний. Определяющей чертой того времени были мирные отношения, в том числе благодаря усилиям центральных и местных властей, сотрудничество, обмен материальными и духовными ценностями между местными тюрко-мусульманскими народами и славянами-христианами.

Сложные, нередко противоречивые механизмы выработки и проведения государственно-исламской политики на Российском Востоке, конкретная реакция местных мусульман на правительственные инициативы и попытки башкир, татар, казахов и др. через Оренбургского муфтия взаимодействовать с властными структурами в религиозно-культурной сфере в качестве субъектов, а не только объектов, все многообразие повседневной жизни мусульманских подданных нашли достаточно полное отражение в журналах заседаний Духовного собрания.

Создание Духовного собрания явилось значительным фактом в политической жизни страны. Как коллегиальное «высшее правительственное установление», образованное в конце XVIII в. в обстановке поиска новых политических ориентиров развития страны и утверждения в кругах столичной бюрократии понимания тесной связи между государственными интересами и интересами мусульман, оно олицетворяло новую форму сотрудничества царизма и мусульманской элиты, не устранившую, однако, полностью существующих между ними противоречий. Объединяя в своем составе наряду с преданными чиновниками из башкир и татар представителей высшего мусульманского духовенства, муфтият часто становился ареной столкновения различных интересов. Нарастание в России «кризиса верхов», усиление недовольства и прямая критика царского правительства со стороны башкирских и татарских интеллектуалов в период позднего самодержавия нашли отражение, правда, довольно глухое, и в журналах заседаний Духовного собрания.

Важнейшее значение комплект журналов муфтията имеет для изучения проблемы коммуникации внутри самой многочисленной российской мусульманской общины (араб.: умма). Муфтий (председатель собрания), его помощники (кадии) и подчиненные им руководители мусульманских приходов (араб.: махала или джамаат) выполняли специфические функции регистрации, учета и координации не только в области религиозной, но и общественной жизни в целом. Поэтому они играли важную роль в активизации контактов между различными разбросанными на обширной территории империи мусульманскими общинами и консолидации их в единый социальный организм, а в конечном счете – в единую «тюрко-мусульманскую» нацию (араб.: миллет) [подробнее см.: Хабутдинов, 2000]. Не случайно поэтому в петербургских высших кругах периодически возникали идеи о «расчленении» Оренбургского муфтията для предотвращения активных контактов между его подопечными на пути формирования миллета.

В соответствии с компетенцией и повседневной деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания, журналы его присутствия позволяют исследователям истории ислама и его институтов во внутренней России прояснить:

- историю возникновения, развития и деятельности ОМДС как государственного управленческого органа среднего звена, в том числе состав служителей, финансовое обеспечение, взаимоотношения с другими властными структурами;

- биографию муфтиев, кадиев и многих рядовых мечетских служителей, а также видных представителей светской интеллигенции, купцов и т. п., служебное соответствие духовных лиц (например, наиболее частыми нарушениями ахунов, мулл и муэдзинов, зафиксированные в журналах, являются: а) неправильное венчание, особенно несовершеннолетних; б) жесткое обращение с прихожанами; развратное поведение (например, увод чужих жен); в) стяжательство; г) халатное отношение к служебным обязательствам, в том числе неправильное ведение метрических книг; д) вмешательство в дела других приходов и т. д.);

- соотношение «официального» ислама и суфийского течения в нем, а также политику имперских властей в отношении «народного» ислама¹;

- пути и итоги развития конфессионального образования среди мусульман Европейской части Российской империи и Сибири;

- состояние благотворительности среди мусульман, в том числе вакуфного дела;

¹ Исключительную ценность материалов Оренбургского магометанского духовного собрания, касающихся суфизма и политику властей по отношению к нему, показывают и некоторые наши публикации [Фархшатов, 2009; Фархшатов, 2012].

– установление границ между мусульманским (шариат), традиционным (адат) и светским (российское государственное законодательство) правами в жизни мусульман Урало-Поволжья, в том числе в семейно-брачной сфере;

– стремление властей контролировать все сферы религиозно-культурной жизни мусульман, в том числе подчинить традиционные школы башкир и татар Министерству народного просвещения и сопротивление мусульман наступлению властей на их законные права;

– государственно-конфессиональные отношения в Российской империи, в том числе политику властей по отношению к мусульманским подданным в целом;

– формы и пути интеграции мусульман в государственную жизнь Российской империи, в том числе путем привлечения на военную службу и введения института военных мулл [см.: Наганова, 2011].

Содержательные документальные материалы Духовного собрания давно привлекают внимание исследователей, в том числе из США, Германии, Японии и т. д., которые постепенно вводят их в научный оборот. Об этом наглядно свидетельствуют и некоторые статьи, подготовленные в последние годы к юбилеям Оренбургского муфтията [см.: Оренбургское... 2010, Ислам... 2013, Центральному..., 2013].

Постепенно созрело также стремление научного сообщества Урало-Поволжья к публикации документов Духовного собрания. Так, один из пунктов Резолюции Международного научного семинара «Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.», посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (18 дек. 2009 г., Казань), гласит: «Рекомендовать Институту истории им. Ш. Марджани АН РТ подготовить и издать журналы [присутствия] Оренбургского магометанского духовного собрания» [Оренбургское... 2010, с. 181]. Уфимскими и казанскими историками уже делаются первые шаги для осуществления этих амбициозных планов.

Готовящиеся к публикации в Башкортостане и Татарстане сборники журналов присутствия Оренбургского магометанского духовного собрания, не имеющие аналога ни в нашей стране, ни за рубежом, позволяют глубже понять принципы и позитивный опыт урегулирования государственно-исламских отношений в императорской России и определить пути дальнейшей их оптимизации в современный период, понять и осмыслить многие факты и события из истории функционирования центральных и региональных государственных учреждений, прежде всего самого Оренбургского муфтията, а также мусульманских приходов, представлять историю тюрко-мусульман-

ских народов региона во всей полноте и разнообразии. Одним словом, они создают необходимую источниковую базу для полноценных исследований истории ислама и его институтов в России.

Литература

[Умитбаев М.-С.] В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. – СПб., 1892. – С. 15–17.

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в духовной жизни башкир и татар в конце XVIII–XIX вв. / Д.Д. Азаматов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1999.

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в 1861–1917 гг.: Ислам в Башкортостане / Д.Д. Азаматов // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века: в 2 т. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. – Т. 2. – С. 7–25.

Аппарат ЦК КПСС и культура: 1953–1957: Документы / сост. Е.С. Афанасьева и др. – М.: РОССПЭН, 2011.

Журналы заседаний Временного правительства: март – октябрь 1917 г. – В 4 т. – М.: РОССПЭН, 2001–2004.

Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Учредительного собрания: июнь – октябрь 1918 года / отв. сост. К.Г. Лещенко. – М.: РОССПЭН, 2011.

Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: мечети в Европейской части России и Сибири / И.К. Загидуллин. – Казань, 2007.

Ислам и государство в России: сб. материалов Международной науч.-практ. конф., посвящ. 225-летию Центрального духовного управления мусульман России – Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 22 окт. 2013 г. / сост. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал и др.; под общ. ред. А.Б. Юнусовой. – Уфа, 2013.

Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – М., 1973.

Кульшарипов М.М. Открытие Духовного собрания мусульман в Уфе / М.М. Кульшарипов // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале (Дореволюционный период). – Уфа, 1988. – С. 43–47.

Материалы по истории Башкирской АССР: сб. док. и материалов: в 5 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 5.

Наганова Н. Мусульманское сообщество в условиях мобилизации: участие волго-уральских мусульман в войнах последнего десятилетия существования Российской империи / Н. Наганова // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII–XX вв. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 198–228.

Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания // Полный свод законов Российской империи [Изд. 1896 г.]. Все 16 томов со всеми относящимися к ним Продолжениями и с дополнительными узаконениями по 1 ноября 1910 года: В 2 кн / сост. А.А. Саатчиан. Изд. неофиц. – СПб., 1911. – Кн. 2. – Т. 11, ч. 1: Устав Департамента духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных МВД. Статьи 1416–1438.

Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы одноименного науч. семинара, посвящ. 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 дек. 2010 г.) / редкол.: И.К. Загидуллин (сост. и отв. ред.). – Казань, 2010.

Особые журналы Совета министров Российской империи: 1909–1917 гг. – М.: РОССПЭН, 2000–2009.

Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР 1945–1970 гг.: В 2 т. / сост. Ю.Г. Орлова и др. – М.: РОССПЭН, 2009–2010.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-I). Собрание 1-е. – Т. 13. – № 13996; – Т. 22. – № 16710, 16711.

Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 545.

Усманова Д.М. Мусульманское «сектантство» в Российской империи: «Ваисовский Божий полк староверов-мусульман». 1862–1916 гг. / Д.М. Усманова. – Казань: Изд-во «Фэн», 2009. – 568 с.

Фархитов М.Н. Мусульманское духовенство / М.Н. Фархитов // Ислам на территории бывшей Российской империи: энц. словарь. – М., 2006. – Т. 1. – С. 286–292.

Фархитов М.Н. Публикация журналов заседаний Оренбургского магометанского духовного собрания (1789–1917 гг.) – насущная задача на пути изучения истоков и принципов национально-государственного управления на Российском Востоке / М.Н. Фархитов // Истоки российского федерализма в свете провозглашения автономии Башкортостана. – Уфа, 2007. – С. 231–236.

Фархитов М.Н. «Дело» шейха Зайнуллы Расулева (1872–1917 гг.): власть и суфизм в Башкирии: сб. док / М.Н. Фархитов. – Уфа, 2009.

Фархитов М.Н. Новый автограф Зайнуллы Расулева (из фонда Оренбургского магометанского духовного собрания) / М.Н. Фархитов // Материалы Всероссийской конференции «Расулевские чтения: Ислам в истории и современной жизни России» (г. Троицк, 29 марта 2012 г.). – Челябинск; Троицк, 2012. – С. 64–69.

Хабутдинов А.Ю. Миллет Оренбургского духовного собрания в конце XVIII–XIX веках / А.Ю. Хабутдинов. – Казань, 2000.

Центральному духовному управлению мусульман 225 лет: сб. ст. // Спец. вып. журнала «Панорама Башкортостана». – Уфа, 2013.